№ 2 1919 г. Цѣна 2 р. 50 к.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

А. Остроумова-Лебедева — Гравюра на деревѣ

А. Остроумова-Лебедева. Венеція (Гравюра на деревѣ)

Вячеславъ Ивановъ

УТѢШИТЕЛЬНИЦА

(сонныя грезы).

I

Неуловимый поцѣлуй
Чела коснулся? . Долъ кромѣшный
Раздвинулся... Благовѣствуй
Въ тюрьмѣ унылой, духъ утѣшный!

Звѣзда ль, плывя во мглѣ слѣпой,
Иль предносимая лампада
Меня ведетъ по стогнамъ Ада?.
Иду безчувственной стопой

По плитамъ разожженнымъ, по льду
И въ сѣни смертной, сквозь туманъ
Очей потускнлыхъ, какъ Тристанъ,
На мигъ распознаю—Изольду!.

II

Дремоты съ явью зыбкой
Въ нѣмѣющемъ борень҄ѣ,
Нечаянной улыбкой,
Святая, озаренье
Сонливцу ты даруешь
И съ лепетомъ надежды
Въ чело меня цѣлуешь
И въ сомкнутыя вѣжды .
„Чу'“,—шепчешь,—„гдѣ то пѣнье...
Чу, праздникъ—слышишь?—гдѣ-то
Тамъ—встрѣча, тутъ—успенье..
Гостины въ кущахъ свѣта“!.
И робко сердцу мнится:
Та встрѣча—намъ потреба,
И въ ней съ землей мирится
Прогнѣванное небо....

III

Въ глухую третью стражу мнѣ
Дано подъ облакомъ наитія
Къ произрастанію событія
Прислушиваться въ тишинѣ.

Ночь, Аргуса многоочитѣй,
Глядитъ въ мой лабиринтъ извнѣ.
Не Аріадна ли въ окнѣ
Мерцаетъ пряжей звѣздныхъ нитей?

—„Я чудо міру напряла“...
И вторитъ вѣсти запредѣльной
Струны звучанье подземельной.

И, раскаляясь до-бѣла,
Изъ рукъ дѣвичьихъ свѣтъ кудельный
Рука прозрачная взяла.

IV

Вѣтви надо мною
Древо простираетъ;
Солнечной волною
Въ вѣткахъ замираетъ
Райской щебетуньи
Вѣсточка святая ..
Порхъ!..—и нѣтъ вѣщуньи
Скрылась улетая
Съ вѣсточкой счастливой...
Нѣтъ и дива—древа..
Ахъ, и нѣтъ въ ревнивой
Памяти напѣва.

Валерiи Брюсовъ

ВЪ ГОРНЕМЪ СВѢТѢ.

Я сознаю, что постепенно
Душа истаиваетъ. Мгла
Ложится въ ней. Но, неизмѣнно,
Мечта свободная — свѣтла!

Бывало жизнь мутили страсти,
Какъ черный вихрь морскую гладь,
Я, у враждебныхъ чувствъ во власти,
То жаждалъ мстить, то могъ рыдать.

Но, какъ орелъ въ горахъ Кавказа,
За кругомъ кругъ, уходитъ въ высь,
Чтобъ скрыться отъ людского глаза,—
Желанья выше вознеслись.

Я больше дольнихъ смутъ не вижу,
Ничьихъ восторговъ не дѣлю;
Я никого не ненавижу
И, — страшно мыслить, — не люблю!

Но, съ высоты полета, бездны
Открыты мнѣ былыхъ вѣковъ:
Судьбы мнѣ внятенъ ходъ желѣзный
И вопль умолкшихъ голосовъ;

Прошедшее, какъ дно морское,
Узоромъ стелется вдали;
Тамъ баснословныхъ дней герои
Идутъ, какъ строемъ корабли.

Вникая въ смыслъ тысячелѣтiй,
Въ завѣты презрѣнныхъ наукъ,
Я словно слышу, въ горнемъ свѣтѣ,
Планетныхъ сферъ пѣвучiй звукъ;

И прежнему призванью вѣренъ,
Тотъ звукъ переливаю въ стихъ,
Чтобъ онъ, отчетливъ и размѣренъ,
Пѣлъ правду новыхъ сновъ моихъ!

М. Кузминъ.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

Навѣрно, нѣжный Ходовецкiй
Гравировалъ мои мечты:
И этотъ садъ полунѣмецкiй,
И сельскiй домъ, немного дѣтскiй,
И барбарисные кусты.

Пролился дождь. Воздушны мысли!
Изъ оконъ рокотъ ровныхъ гаммъ...
Душа стремится (вдаль ли? ввысь ли?).
А капли на листахъ повисли,
И по карнизамъ птичiй гамъ.

Гроза стихаетъ за холмами,
Ей отвѣчаетъ въ рощѣ рогъ,
И дядя съ круглыми очками
Ужъ наклоняетъ надъ цвѣтами
Въ цвѣтахъ невиданныхъ шлафрокъ.

И радуга, и мостъ, и всадникъ, —
Все видится мнѣ безъ конца,—
Какъ блещетъ мокрый палисадникъ,
Какъ ловитъ на лугу лошадникъ
Отбившагося жеребца...

Кто прiѣзжаетъ? кто отбудетъ?
Но мальчикъ вышелъ на крыльцо.
Объ ужинѣ онъ позабудетъ,
А теплый вѣтеръ долго будетъ
Ласкать открытое лицо...

*

Забукстилось небо къ вечеру,
Замерзло окно,
Не надо весенняго вѣтра,
Мнѣ и такъ хорошо.

Можетъ быть, все разрушилось,
Не будетъ никогда ничего.
Трескъ фитиля слушай,
Еще не темно...

Не навѣки душа замуравлена,
Развѣ зима смерть?
Алымъ ударитъ въ ставни
Страстной четвергъ.

Я. Тугендхольдъ

ПАМЯТИ ХОДЛЕРА

1853—1918

Истекшій годъ, столь катастрофическій для стараго міра, унесъ изъ авангарда европейскаго искусства одну изъ наиболѣе крупныхъ и сложныхъ фигуръ, въ самомъ художественномъ обликѣ которой было нѣчто полу-современное, полусредневѣковое. Фердинанда Ходлера рисуешь себѣ не въ костюмѣ нынѣшняго покроя, но скорѣе въ одеждѣ рыцаря съ четкимъ жестомъ, гордой осанкой и плавно рѣющимъ знаменемъ въ рукѣ. На этомъ знамени—дѣвственно-холодныя голубыя письмена. Какъ нѣкій Донъ Кихотъ грезилъ Ходлеръ—среди нашего дѣловитаго и механическаго вѣка!—о чемъ-то важномъ и торжественномъ: о красотѣ человѣческой позы, о древней связи человѣка съ космосомъ, о сліяніи живописи съ архитектурой, о широкой фресковой стѣнописи...

Былъ ли однако Ходлеръ лишь рыцаремъ печальнаго образа? Анахронизмъ ли—его живопись, остался ли одинокимъ его патетическій жестъ? Міровая извѣстность художника опровергаетъ это предположеніе. Его созданія—предметъ соперничества многихъ—особенно германскихъ музеевъ; не далѣе какъ въ 1913 году Ходлеръ былъ почтенъ и ретроспективной выставкой въ парижскомъ Осеннемъ Салонѣ. Столь же отрицательно отвѣчаетъ на поставленный мною вопросъ и современная художественная критика. Имя Ходлера стало для нея символомъ цѣлаго направленія, противоположнаго французскому модернизму; Фрицъ Бургеръ (убитый подъ Верденомъ) такъ и озаглавилъ свою книгу „Сезаннъ и Ходлеръ“, утверждая тѣмъ самымъ равноцѣнность обѣихъ полярныхъ вершинъ современнаго художества. Все это свидѣтельствуетъ о живомъ и животрепещущемъ значеніи ходлеровскаго творчества, о томъ, что покойный былъ большой и самобытной индивидуальностью.

Однако, при всемъ своемъ ореолѣ, имя Ходлера окружено какимъ-то холодкомъ; у него много почитателей, но мало поклонниковъ и немало противниковъ. Искусство Ходлера—явленіе самочинное и сложное; художникъ прославленъ, но еще не понятъ. Кто онъ, какой культурѣ онъ принадлежитъ? Является ли онъ представителемъ отвлеченнаго „германскаго духа“ въ искусствѣ (недаромъ главнымъ заказчикомъ его была Германія) или живописцомъ въ современномъ смыслѣ этого слова? И можно ли противопоставлять Ходлора Сезанну—во-первыхъ, слишкомъ несоизмѣримы ихъ устремленія, протекавшія въ столь различныхъ плоскостяхъ, какъ пейзажи и натюрморты второго и національно-героическая стѣнопись перваго; во-вторыхъ далеко не все въ искусствѣ Ходлера отъ „Германіи туманной“.

Ходлеръ—не германецъ и не французъ; онъ—швейцарецъ рожденный въ Бернѣ и созрѣвшій въ Женевѣ и Парижѣ. Здѣсь, мнится мнѣ, ключъ къ уясненію ходлеровской сложности и двуединства. Въ немъ, соотечественникѣ Хольбейна, есть германская философичность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, французская любовь къ композиціи и свѣтлому колориту. Ходлеръ былъ художникомъ-мыслителемъ, для котораго содержаніе и форма одинаково цѣнны. Несправедливо поэтому упрекають его въ сплошной разсудочности и „литературщинѣ“; но не совсѣмъ правы и тѣ, для которыхъ Ходлеръ — послѣднее слово новой красоты. Въ нашу эпоху, столь склонную къ дробному созерцанію, къ бѣглымъ этюдамъ, Ходлеръ съ рѣдкой настойчивостью и размахомъ выдвинулъ великія проблемы синтетическаго и монументальнаго искусства; но онъ не разрѣшилъ ихъ до конца. Придутъ другіе, молодые, и выпавшее изъ руки Ходлера знамя обновится новымъ и болѣе современнымъ стягомъ.

*

Ходлеръ—дитя Гельвеціи, уроженецъ горнаго кантона, сынъ столяра. И на всей его личности, какъ и на всемъ его творчествѣ, залегла печать пуританской строгости—той суровой, почти героической воли, съ которой нѣкогда утверждала себя маленькая нація. Разумѣется упорство Ходлера прежде всего направлено было на одолѣніе эстетической косности собственной родины, ставшей типичной страной Санхо Пансъ. Художнику, еще юношей переселившемуся въ Женеву суждена была долголѣтняя горечь нужды и борьбы прежде чѣмъ его имя сдѣлалось гордостью швейцарцевъ. Такъ, одна изъ его раннихъ картинъ, „Ночь“, украшающая теперь Бернскій музей, была исключена съ женевской выставки по распоряженію полиціи за то, что заключала въ себѣ обнаженныя фигуры забывшихся въ усталомъ и кошмарномъ снѣ мужчинъ и женщинъ...

Съ этихъ образовъ человѣческой усталости и бѣдности и начался творческій путь Ходлера; самая палитра его была овѣяна земною тѣнью. Однако художникъ преодолѣлъ свой пессимизмъ; ночной кошмаръ разсѣялся.

Ходлеръ словно поднялся на высокую гору, откуда передъ нимъ раскрылся, болѣе широкій кругозоръ и гдѣ въ колоритѣ его воцарился ровный, вѣчно-синій день. „Дѣтство", „Пробужденіе", „Юноша и дѣвы", „Старцы"—таковы отнынѣ новыя ходлеровскія темы, охватывающія важнѣйшіе моменты человѣческаго бытія. Художникъ взглянулъ на жизнь въ ея цѣломъ, и даже въ человѣкѣ его стало интересовать не индивидуальное и характерное, а общее, родовое, всечеловѣческое.

При всей отвлеченности и сложности этихъ темъ, сближающихъ Ходлера съ міромъ германскаго художества, Ходлеръ все же избѣжалъ тѣхъ аллегорическихъ и миѳологическихъ мотивовъ, которыми загромождено творчество Бёклина, Штука, Шнейдера, Климта и Клингера. Ему незачѣмъ было прибѣгать къ различнымъ привходящимъ элементамъ (въ родѣ амуровъ, лиръ, змѣй, череповъ)—его идеи олицетворились въ самихъ человѣческихъ образахъ. Такъ, идею „разочарованія" Ходлеръ воплотилъ въ фигурахъ старцевъ съ поникшими руками и мудрымъ равнодушіемъ на лицѣ. Это перенесеніе центра тяжести содержанія въ фигуру самого человѣка—межа, отдѣлившая Ходлера отъ наивнаго символизма германцевъ.

Человѣкъ—вотъ паѳосъ ходлеровской живописи; поза и жестъ—вотъ мощные средства ходлеровской выразительности, ключи къ раскрытію идеи его картинъ. Но это не значитъ, что художникъ „схватываетъ" характерные моменты въ поведеніи того или иного человѣка. Ходлеръ—не реалистъ; онъ не подглядываетъ жизнь, но самъ выявляетъ ее, отбрасывая все случайное и индивидуальное. Онъ внушаетъ зрителю то или иное настроеніе, заставляя свои фигуры двигаться, словно въ мимическомъ танцѣ, закономѣрномъ и строгомъ, какъ искусство балета, этотъ нѣмой переводъ душевныхъ движеній. Ходлеровскій человѣкъ—въ вѣчномъ движеніи. Мощнымъ взмахомъ рубитъ дерево дровосѣкъ; расправляя члены пробуждаются женщины, зачарованный поломъ убѣгаетъ отъ дѣвъ юноша, медленно передвигаются усталые старцы, тяжко шагаютъ раненые воины; герои—стремительно собираются въ походъ добровольцы.

Ходлеръ ищетъ въ движеніи прежде всего ритмъ; отсюда очевидна и вторая черта его творчества—стремленіе къ массовымъ сценамъ, къ коллективному ритму. Подобно режиссеру, Ходлеръ организуетъ на полотнѣ своихъ героевъ въ группы и процессіи, и жесты и позы ихъ, многократно повторенные, сливаются въ единую гармонію. Человѣкъ Ходлера—существо соціальное, находящееся въ созвучіи съ другими существами. Этотъ хоровой характеръ творчества Ходлера съ наибольшимъ паѳосомъ воплотился въ его стѣнныхъ панно на героическія темы. Въ этихъ монументальныхъ полотнахъ художникъ сумѣлъ подняться отъ историческаго эпизода до зрѣлища общечеловѣческой эпопеи и обнаружилъ себя, какъ величайшій послѣ Пюви де Шаванна декораторъ нашего времени. Таково лучшее созданіе Ходлера—„Отступленіе швейцарскихъ воиновъ послѣ битвы при Мариньяно", украшающее стѣну Цюрихск. Нац. Музея; таково панно іенскаго университета „Отправленіе въ походъ студентовъ-добровольцевъ", символизирующее маршевымъ ритмомъ воинственный энтузіазмъ. Таково и гигантское панно ганноверской городской думы, изображающее народное собраніе XVI вѣка—гдѣ въ клятвенномъ вознесеніи цѣлой сотни рукъ властно воплощена идея человѣческой солидарности, „Единодушія"...

Отсюда и третья черта. Ходлеръ не удовлетворяется исканіемъ Гармоніи среди людей—онъ ищетъ единства и между человѣкомъ и природой. Для насъ природа стала враждебнымъ хаосомъ, для Ходлера, уроженца горъ и озеръ, она закономѣрно организованный космосъ. Художникъ находитъ въ ней отзвуки человѣческихъ чувствъ, отраженія человѣческихъ движеній. Развѣ не одинъ и тотъ же ритмъ органической жизни правитъ міромъ и развѣ не вторитъ горное эхо человѣку? Такъ, въ лучшемъ изъ произведеній Ходлера, „Вильгельмъ Телль" бурные облака и просини неба отражаютъ жестъ ужаса и восторга, съ которымъ герой спускаетъ стрѣлу.

Свою эстетическую теорію, названную имъ „параллелизмомъ", Ходлеръ опредѣлилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если мой путь приводитъ меня въ сосновый лѣсъ, я вижу стволы деревьевъ направо и налѣво, вздымающіеся какъ колонны, меня окружаетъ одна и та же многократно повторенная вертикальная линія... Когда смотришь на лугъ, испещренный цвѣтами, испытываешь то же впечатлѣніе единства. Аналогію всѣхъ частей являетъ и нагроможденіе горъ... Тотъ же принципъ порядка мы видимъ и въ строеніи человѣка и животныхъ, въ симметріи правой и лѣвой частей, въ сравненіи нашей жизни съ явленіемъ природы.

То, что соединяетъ людей сильнѣе того, что ихъ раздѣляетъ. Чувства и условія человѣческой жизни одинаковы для насъ всѣхъ. Наши радости и горести повторяются у нашихъ ближнихъ и проявляются во внѣ въ одинаковыхъ жестахъ"...

Благородное исповѣданіе, роднящее Ходлера съ апостолами міровой солидарности, съ Рескинымъ и Толстымъ!..

*

И тутъ опять предчувствую предательскій вопросъ: не сушитъ ли вся эта теорія ходлеровскаго вдохновенія? Я отвѣчу на него тѣмъ, съ чего началъ: искусство Ходлера сложно, какъ сочетаніе разныхъ культуръ. Его свѣтлый колоритъ обличаетъ въ немъ подлиннаго живописца; его линейный языкъ, въ началѣ отвлеченный и раздробленный, достигъ широкой выразительности; рѣдкій художникъ владѣлъ подобнымъ даромъ контура, ибо самыя задачи Ходлера требовали мелодіи линій, живописнаго силуэта. Въ искусствѣ Ходлера не мало прекрасной четкости, и здѣсь, быть можетъ, сказались годы ученія у одного изъ птенцовъ ателье Энгра, женевскаго художника Б. Менна... И вмѣстѣ съ тѣмъ, германо-швейцарское упорство Ходлера, его „крѣпкіе нервы", его чрезмѣрная крестьянская воля (при отсутствіи латинскаго чувства мѣры) внесли холодокъ схематизма въ его композицію. Въ симметріи Ходлера нѣтъ того великаго начала, которое далъ намъ Гуманизмъ — разнообразія въ единствѣ.

Быть-можетъ, этотъ холодъ не столько вина художника, сколько бѣда всей нашей культуры. Ходлеръ — не случайность въ европейской жизни. Зрѣлище этого артиста, искавшаго—среди нашего хаоса и неустройства!—гармоніи между людьми и единства съ природой, искавшаго во что бы то ни стало, съ схематическимъ упрямствомъ—само по себѣ величественно и благородно. Въ этомъ смыслѣ, какъ мечтатель о платоновой „Эвритміи", Ходлеръ не былъ одинокъ—быть-можетъ, невѣдомо для него самого, онъ работалъ въ томъ же направленіи, что и Далькрозъ, воспитатель жеста, мечтающій о новомъ, гармонически развитомъ и волевомъ человѣкѣ. Дунканъ, Далькрозъ, Ходлеръ—звенья и знаменья одного и того же порядка.

Но—и въ этомъ трагедія Ходлера—еще не насталъ часъ для рожденія этого чаемаго прекраснаго человѣка, для этого свободнаго единодушія между людьми, для этого толстовскаго мира съ природой. Только что отшумѣла война, движимая принудительной дисциплиной и двигавшая людьми съ параллелизмомъ театра марионетокъ. Лишь грядущей, болѣе человѣчной и демократической эпохѣ удастся воспитать новыя поколѣнія, сочетавъ разнообразіе съ „параллелизмомъ", личную свободу съ интересами цѣлаго, индивидуальность съ „порядкомъ". Удастся ли?.. Будемъ вѣрить. Для Ходлера эта вѣра была религіей.

К. Бальмонтъ

РЕБЕНКУ БОГОВЪ.

Ты солнечный богачъ. Ты пьешь, какъ медъ, закатъ.
Твое вино разсвѣтъ. Твои созвучья, въ хорѣ,
Торопятся принять, въ спѣшащемъ разговорѣ,
Цвѣтовъ загрезившихъ невнятный ароматъ.

Вдругъ въ золотой потокъ ты ночь обрушить радъ.
Тамъ гдѣ-то далеко разсыпчатыя зори,
Какъ нитка жемчуговъ, и въ свѣтовомъ ихъ спорѣ
Темнѣющій растетъ съ угрознымъ гуломъ садъ.

И ты, забывъ себя, но сохранивши свѣты
Степного ковыля, вспоеннаго весной,
Въ мерцаніяхъ мечты, все новой, все иной,

Съ травинкой поигралъ въ вопросы и отвѣты.
И, въ звукъ свой заронивъ поющія примѣты,
Въ ночи играешь въ мячъ съ серебряной луной.

Владиславъ Ходасевичъ.

НЕПРІЯТНЫЙ СОНЕТЪ.

Нѣтъ, есть во мнѣ прекрасное, но стыдно
Его назвать передъ самимъ собой.
Передъ людьми жъ—подавно: съ ихъ обидной
Душа не примирится похвалой.

И вотъ живу, чудесный образъ мой
Скрывъ подъ личиной низкой и ехидной...
Взгляни сюда: по травкѣ золотой
Ползетъ паукъ съ отмѣткой крестовидной.

Предъ нимъ ребенокъ спрячется за мать,
И ты, мой другъ, спѣшишь его согнать
Рукой пугливой съ шейки розоватой.

И онъ бѣжитъ отъ гнѣва твоего,
Быть можетъ, самъ не вѣдая того,
Что значитъ знакъ его спины мохнатой.

С. Абрамовъ

ЛѢСЪ и ПОЛЕ.

Сонеты

Какъ хмуро-непривѣтливъ боръ сосновый!
Ряды стволовъ. И рѣдкая трава.
И ели темное пятно едва
Разнообразитъ видъ среды суровой.

Среди березъ печалью вѣетъ новой.
Войди въ ихъ міръ, надъ коимъ синева,
Услышишь грустныя невѣстъ слова
И слезы, что роняютъ, плача, вдовы.

Веселье только тамъ, гдѣ свѣтлый кленъ,
Гдѣ липа разрослась широкой тѣнью
И мухъ и пчелъ стоитъ немолчный звонъ.

Съ березой ель, обнявшись, внемлютъ пѣнью.
И темной ели мрачный взоръ смягченъ,
И предана печаль березъ забвенью.

Медвяно-пряный зной. Въ разгарѣ лѣто.
Горитъ съ утра обильная роса.
И блещутъ голубыя небеса
Огнемъ лучей и пламеннаго свѣта.

Въ груди нѣжнѣйшая изъ струнъ задѣта.
Не гадокъ скользкій ужъ. Не врагъ оса.
И радуютъ безмолвіемъ лѣса.
А поле—съ пестротой его букета!

Цвѣтовъ, съ собой принесшихъ яркій смѣхъ,
И нѣжное полей благоуханье,
Прекрасно всѣхъ оттѣнковъ сочетанье.

Но василекъ съ ромашкой краше всѣхъ.
И жениху—ему и ей—невѣстѣ
Всѣхъ радостнѣй быть юными и вмѣстѣ!

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

СЕРЕЖА

РАЗСКАЗЪ

Василиса Петровна вздохнула, и вытащила изъ комода, на которомъ въ рамкѣ изъ ракушекъ стояла фотографія и лежало нѣсколько бумажныхъ розъ—кусочекъ мыла, синевато-мраморнаго цвѣта.

— И ужъ такъ нечистъ, такъ нечистъ, что просто душенька бы моя не глядѣла.

Василиса Петровна, немолодая, мучительно-хозяйственная женщина,. жена богатаго хуторянина, жившаго на семидесяти десятинахъ помѣщикомъ; была жалостлива, и вообще склонна къ слезамъ. Горько могла рыдать о пропавшей индюшкѣ, о неудавшемся пирогѣ. Десятки маленькихъ огорченій терзали ее. Ея лицо, нѣкогда красивое, выражало теперь сплошной вздохъ. Глаза, какъ будто-бы, всегда заплаканы.

— И по-одумать, говорила она, напирая на о, по-ярославски: по-одумать, гдѣ мыться-то выдумалъ, на галдарейкѣ. Мнѣ, го-оворитъ, здѣсь свѣту больше, и видъ хороші й! О, Господи Батюшка, Царица Небесная!

Она вышла на стеклянную галлерейку дома, залитую весеннимъ свѣтомъ. Посреди стояла лохань, рядомъ два ведра съ холодной и горячей водой. Легкій паръ шелъ отъ кипятка.

Человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ небольшомъ капорѣ, кацавейкѣ, женской юбкѣ и мужскихъ сапогахъ стоялъ около ведеръ, пробуя воду пальцемъ. Маленькіе его глаза оживленно бѣгали; по небритымъ щекамъ росла желтоватая щетинка.

— Вотъ и благодаренъ, очень вамъ благодаренъ, Василиса Петровна, заговорилъ онъ быстро и вѣжливо: я теперь отлично вымоюсь, а то меня очень вошки заѣли, такъ кусаются, такъ кусаются... Тутъ очень свѣтло, и видъ хорошій со второго этажа, садъ, зелень, лѣсочекъ... совсѣмъ по благородному. Сережа снялъ кацавейку и почесался.

— Довершите вашу любезность, сказалъ онъ: когда я буду мыться, потрите мнѣ спинку. А то, знаете-ли, трудно самому, очень трудно.

— Ну и скажешь, правда, ну и такое скажешь... Василиса Петровна опять разстроилась.

— Какъ-же я тебѣ спину буду тереть, когда я женщина. не какая-нибудь... Мнѣ вѣдь неудобно, ты мужчина.

— Что вы, что вы, я-бы никогда не осмѣлился... Но чего же меня стѣсняться? Я самъ женщина... вы-же знаете.

— О-охъ, блаженный ты, блаженный... На вотъ тебѣ мыла, пришлю мальчишку, онъ тебѣ поможетъ.

Сережа засмѣялся мелкимъ смѣшкомъ, и по-женски закрылъ руками грудь.

— Только маленькаго, а то взрослаго я постыжусь, они насъ обидѣть могутъ...

Василиса Петровна вздохнула, и ушла.

Сережа снялъ рубашку, юбки, попробовалъ обмыться холодной водой, но показалось непріятно. Горячая слишкомъ была горяча. Много времени онъ потратилъ, чтобы сообразить, что воду надо смѣшать. Что-то напѣвалъ, мурлыкалъ, подходилъ къ стеклянной стѣнкѣ, и глядѣлъ, какъ работникъ везъ въ колымажкѣ навозъ подъ яблони. Наконецъ, съ блаженнымъ видомъ сталъ оттирать мыломъ свое тѣло—худенькое, желтое, со слѣдами многихъ укусовъ. Когда черезъ нѣсколько времени къ нему вошелъ рыжій мальчикъ лѣтъ десяти, съ бойкой рожицей,—Сережа, тощій, съ подведенными ребрами, какъ Іоаннъ Креститель, стоялъ въ лохани, по колѣна въ водѣ, и радостно улыбался. Онъ забылъ лишь снять сапоги—такъ въ нихъ и мылся. Мальчикъ взглянулъ на него, прыснулъ, но все-же помогъ.

Черезъ четверть часа Сережа одѣлся—ему дали чистую рубашку; причесался, надѣлъ капоръ, кацавейку, и пришелъ благодарить Василису Петровну. Увидѣвъ на комодѣ бумажныя розы, онъ попросилъ, нельзя-ли взять одну, на память.

— Моя покойная сестрица очень розы любила, говорилъ онъ, прикалывая цвѣтокъ къ капору и глядясь въ зеркало.—Какъ вы думаете, Василиса Петровна, мнѣ желтая больше пойдетъ, или красная?

— Да ужъ бери, бери, что тамъ разсматривать.

Василиса Петровна вздохнула. Она вспомнила, что скоро будутъ дѣлить у нихъ скотъ и инвентарь. На глазахъ ея выступили слезы.

— Прощайте, сказалъ Сережа.—Еще благодарю васъ Василиса Петровна. А теперь возьму палочку... мнѣ итти надобно—некогда, некогда-съ, Василиса Петровна.

— Да какія у тебя дѣла-то!

Василиса Петровна была права. Сравнительно съ ней, чей день полонъ былъ заботами о скотѣ, индюшкахъ, курахъ, пирогахъ—Сережа могъ считаться совершенно празднымъ.

Онъ спустился внизъ. Собаки залаяли. Но онъ ихъ не боялся. Да и они не отнеслись къ нему всерьезъ. И онъ двинулся по деревнѣ, мимо пруда.

*

Былъ апрѣль, время ранней весны, когда едва поля обсохли, снѣгъ въ оврагахъ не дотаялъ, пригрѣваются взгорья, затянутыя сѣроватой пленкой. Появилась крапива, да тонкія, изумрудныя иглы гусиной травки. По дорогамъ пустынно; если крестьянинъ встрѣтится,—чаще верхомъ, на нечищенной, патлатой и голодной лошаденкѣ. Но ужъ тепло; нѣжно голубѣетъ небо, блѣдно-размыты зеленоватыя зеленя. И еще нѣсколько дней, скотъ, пасущійся но парамъ, станетъ кой-что доставать.

Церковь въ селѣ Никоновѣ, куда брелъ Сережа, стояла въ сторонѣ, за барскимъ садомъ. За церковной оградой, съ плитами памятниковъ, начинался осинникъ, сейчасъ еще голый, сѣро-зеленоватый; тамъ влажно, койгдѣ лютикъ желтѣетъ, да бѣлѣетъ снѣгъ. На паперти яркокрасной церкви съ зеленымъ верхомъ стояли бабы, дѣвушки, нѣсколько стариковъ. Человѣкъ съ прямымъ проборомъ, примасленными, блестящими волосами—невымерцій еще русскій типъ—отворялъ ворота въ ограду, всматривался въ дорогу между садами, хлопоталъ — видимо, принималъ близкое участіе. На колокольнѣ перезванивали. Могильщики, здоровые парни въ солдатскихъ гимнастеркахъ, съ завитыми чолками, кончали могилу. Желтая земля ярко выступала на снѣгу.

Сережа пробрался къ бабамъ, тоже смотрѣлъ, улыбался, иногда бормоталъ про себя.

Высокій помѣщикъ, съ сѣдыми усами и огромными руками, въ поддевкѣ, сказалъ полковнику, указывая на него:

— А вѣдь богатѣйшій былъ человѣкъ!

Полковникъ, бритый, съ небольшимъ бобрикомъ, ястребинымъ носомъ, несмотря на изгнаніе походилъ еще на множество полковниковъ.

— Помѣшанный?—спросилъ онъ разсѣянно.

— Въ этомъ родѣ. У него, изволите-ли видѣть, сестра нѣкогда была... Ну-те-съ... Эта сестра умерла. И

онъ, представьте себѣ, вообразилъ, что душа сестры въ него переселилась, и что онъ женщина... Обратите вниманіе, у него и роза прикрѣплена... вонъ какъ... однимъ словомъ, несчастное существо...

— Это бываетъ, сказалъ устало полковникъ.—У меня въ четвертой ротѣ рядовой себя корпуснымъ командиромъ объявилъ. Пришлось удалить.

— Но замѣтьте, что вотъ онъ явился-же на похороны. Надо вамъ доложить, что покойный Андрей Михайловичъ, какъ секретарь дворянской опеки, изъ дворянскихъ суммъ нанималъ ему комнатку, этакое, знаете-ли, пристанище... Однимъ словомъ, не забылъ послѣдній долгъ отдать.

Полковникъ поморщился.

— Ну, врядъ-ли понимаетъ... Посмотрите, чѣмъ занялся.

Сережа, подъ шопотъ и смѣшки молодыхъ бабъ, подошелъ къ кусту акаціи, снялъ кацавейку, сталъ ее вытряхать. На солнцѣ блеснула золотая серьга въ ухѣ.

— Такъ, такъ, хорошенько тряхони,—посмѣивались бабы. Старшія ихъ остановили.

— Чего ржете? Надъ нимъ плакать, а не смѣяться впору.

Вдали показался священникъ въ бѣлой ризѣ, за нимъ гробъ. Помѣщикъ и полковникъ вздохнули, вышли изъ воротъ ограды, навстрѣчу. Въ простомъ сосновомъ гробу, поколыхиваясь на бѣлыхъ полотенцахъ, приближался прахъ Андрея Михайловича, котораго зналъ весь уѣздъ, который нѣкогда былъ мѣстнымъ львомъ, земцемъ, представителемъ древняго, но небогатаго рода, другомъ Сережи—и скончалъ дни свои на небольшомъ хуторкѣ въ трехъ верстахъ.

Сережа встрѣтилъ гробъ, за которымъ шли заплаканныя дамы, какъ и всѣ—крестился, но его желтоватые глазки бѣгали съ такой же быстротой, довѣрчивостью, какъ на галлерейкѣ Василисы Петровны. Вмѣстѣ со всѣми онъ прошелъ въ церковь.

Обѣдня шла довольно долго. Церковь вся была полна голубоватымъ, весеннимъ свѣтомъ. Золотистые его ковры ложились на амвонъ, на старинный иконостасъ, раздѣланный подъ малахитъ, съ барочными валютами вверху, и итальянской, полукруглой нишей, какъ-бы для статуи. Туда лицомъ былъ обращенъ покойникъ. Вѣнчикъ со словами: „Святый Боже, Святый Крѣпкій“ опоясывалъ лобъ. Потемнѣвшее лицо съ черными усами выражало то непередаваемое, и нечеловѣческое, что нерѣдко бываетъ у мертвыхъ. Служилъ священникъ со лбомъ Сократа и кудрявымъ обрамленіемъ лысины. Хоръ сбивался. Къ причастію бабы вынесли плачущихъ дѣтей. Молодой человѣкъ независимаго вида, за псаломщика, помогавшій священнику, утиравшій ребячьи ротики, по окончаніи обряда снисходительно улыбнулся на клиросъ: тамъ стояли такіе-же передовые юноши съ начесами. Его улыбка говорила: „я работаю, но, разумѣется, вѣдь это предразсудокъ“. Человѣкъ съ намасленнымъ проборомъ посрединѣ головы, въ поддевкѣ, съ безкровными губами, какъ и много лѣтъ назадъ, обходилъ съ тарелкою и кружкой.

Сережа стоялъ на клиросѣ. Иногда онъ подпѣвалъ, случалось—даже въ тонъ, иногда фальшивя. То разсматривалъ близкихъ покойнаго и родныхъ, толпившихся у гроба, то отворачивался, чесался и вертѣлся. Къ словамъ „придите съ послѣднимъ цѣлованіемъ“ онъ остался безучастенъ. И когда рыданія раздались, съ удивленіемъ повернулъ голову; потомъ принялся ловить муху, бившуюся о стекло, на солнцѣ.

Въ дверяхъ лѣзли любопытные, даже хихикали, разсматривая, какъ кто прощается. Потомъ растворилась боковая дверь. На ветхомъ каменномъ крыльцѣ пригрѣвало. Изъ расщелинъ плитъ, подъ апрѣльскимъ солнцемъ, пробивалась травка. Поблескивала кадильница; ладанъ ярче синѣлъ. Бывшій левъ, земецъ и дворянинъ приближался къ мѣсту упокоенія. Застучалъ молотокъ. Полетѣли внизъ пригоршни глины, рыжей и вязкой. Дѣвки висли на оградѣ, чтобы не пропустить чего.

Серьезный, немолодой мужикъ, глядя на засыпаемую могилу, сказалъ родственнику умершаго:

— Мы-то его теперь не дождемся. А онъ насъ встрѣтитъ.

Потомъ помолчалъ, и прибавилъ:

— Умаялся, сердешный.

Сережа подошелъ къ дамамъ, улыбнулся и вѣжливо попросилъ милостыню. Ему подали.

И пока долго и тщательно засыпалась могила, оставшіеся вели свои скромныя земныя дѣла: неизвѣстно было, кому отдать бѣлыя полотенца—въ церковь или могильщикамъ. Кому ѣхать, и кому не ѣхать на поминальный обѣдъ. У нагрѣтой солнцемъ стѣны мужики разсуждали о ссорахъ въ комитетѣ. Они имѣли важный, сосредоточенно-хозяйственный видъ. Всѣ эти дни дѣлили землю. И сейчасъ надо было итти, отмѣривать, вычислять осьминники, нивы, десятины. На ихъ лицахъ было выраженіе значительности и той пріятности, которую довольному трудно бываетъ скрыть.

Сережа побродилъ между могилками, убѣдился, что больше не подадутъ, и поплелся въ чайную.

*

Врядъ-ли онъ понималъ, что съ Андреемъ Михайловичемъ ему не встрѣтиться. Врядъ-ли зналъ, что вѣчность легка между нимъ и высокимъ человѣкомъ съ черными усами, какъ раздѣлитъ она радующихся и огорченныхъ, берущихъ и лишаемыхъ. Онъ шелъ осинникомъ и ни о чемъ не думалъ. У поворота къ селу, на опушкѣ, блеснулъ подъ солнцемъ срѣзъ свѣжаго пня, залитого сокомъ. Въ этомъ блистаніи была весна, какъ и въ сухихъ, слегка пылящихъ ноги и шуршащихъ прошлогоднихъ листьяхъ.

Въ чайной Сережу покормили. Тутъ еще больше было мужиковъ, занятыхъ своими важными дѣлами. Говорили о томъ, что нѣтъ сѣмянъ на яровой посѣвъ. Что одни зимой чрезмѣрно расторговались, другіе овесъ поѣли за недостаткомъ хлѣба. Какая-то баба кричала, что ей не даютъ земли на малолѣтняго, и что она будетъ дѣлать со своими тремя осьминниками? Какъ всегда, были критики и недовольные. И хотя казалось бы, что довольныхъ больше, недовольные шумѣли громче.

Съ мужикомъ, ѣхавшимъ въ городъ, пристроился на облучкѣ телѣги и Сережа. Онъ не могъ-бы сказать, почему именно ѣдетъ.

— Въ городъ тебѣ, что-ли? спросилъ мужикъ.—Чудной, ты въ какія Палестины?

Сережа улыбнулся и отвѣтилъ:

— Подвезите, пожалуйста... Масса дѣлъ, масса дѣлъ. Всего-то не упомнишь.

Онъ наморщилъ лобъ, сдѣлалъ серьезное лицо, какъбудто въ уѣздной метрополіи, правда, ждали его необычайно важныя занятія.

Они одиноко ѣхали съ мужикомъ по весеннимъ полямъ, еще никѣмъ не оглашеннымъ, кромѣ жаворонковъ, высоко и трепетно стоявшихъ въ воздухѣ. У села Овечья, въ ложбинкѣ, гдѣ ярко краснѣли ободранные пеньки ольхъ чуть-было не угодили въ трясину. У Павлушина встрѣтили мужиковъ, шедшихъ по парамъ группою, съ тѣмъ сосредоточенно-довольнымъ видомъ, какъ и тогда у церкви: эти дѣлили землю. А за Павлушинымъ попались, какъ изъ сказки, старикъ со старухой, съ палками и съ мѣшками за спиной: та-же Русь, только съ голоду вышедшая побираться.

— Сла-а-бода! сказалъ мужикъ, поровнявшись съ ними, и плюнулъ...

Скоро выѣхали на большакъ, обсаженный дуплистыми и корявыми ракитами. Вдалекѣ завиднѣлась уже, полускрытая возвышенностью, соборная колокольня, и налѣво засинѣла, темнѣя вдали лѣсами, долина Оки. Но въ Кудашевѣ, большомъ селѣ съ барскимъ паркомъ, ампирнымъ домомъ, прудомъ и желѣзнымъ мостикомъ на клочкѣ шоссе, Сережа завозился и сталъ озираться. Когда доѣхали до деревянной церкви, со старыми колоннами тоже стиля ампиръ, среди вѣковыхъ березъ, Сережа вдругъ спрыгнулъ.

— Эй-ты, заяцъ, куда поскакалъ?—крикнулъ возница.

— Я тутъ, я сейчасъ, по дѣламъ; на минутку,—заговорилъ Сережа.—Мнѣ-бы тутъ къ учительницѣ зайти, все собираюсь, собираюсь отдать визитъ, неудобно, ужъ сколько времени не навѣщалъ...

— Ну, тебя тутъ ждать не будутъ,—сказалъ мужикъ, и стеганулъ лошадь.—Ви-зи-ты у него!

Но Сережа не обратилъ вниманія. Мимо огромной кирпичной, вновь строящейся церкви онъ прошелъ къ нарядному каменному дому съ большими окнами, типа станцій, подъ зеленой крышей—гордости стараго земства—новой школѣ.

Учительница Вѣра Степановна, маленькая, аккуратная дѣвушка въ бѣломъ воротничкѣ, уже пообѣдала, когда явился Сережа. Онъ бывалъ здѣсь, и она не удивилась его приходу.

— Я къ вамъ съ визитомъ, съ визитомъ,—быстро заговорилъ Сережа.—Надо-же отдать визитъ, а то неудобно. И еще дѣльце есть малое.

Вѣра Степановна была очень чистоплотна. Она затворила дверь къ себѣ въ комнату и повела его въ классъ, просторный и свѣтлый. Она боялась его насѣкомыхъ.

— Какое-же у васъ дѣло?—спросила она, сѣвъ за столикъ и взглянувъ на него ясными, сѣрыми глазами. Въ нихъ сквозила ея душа—честная и увѣренная въ пользѣ книжекъ, просвѣщенія и четырехъ правилъ ариѳметики.

— Надо меня провѣрить,—сказалъ Сережа, совсѣмъ серьезно.—Обученіе юношества, вы знаете, какъ я къ этому отношусь. Разумѣется, въ прежней жизни я достаточно хорошо владѣлъ перомъ... Но для учительской дѣятельности, въ наше время...

Вѣра Степановна не поняла.

— О какой дѣятельности вы говорите?

Сережа улыбнулся.

— Ахъ, я и не разсказалъ! Какая забывчивость! Меня собираются назначить учительницей, въ Малоземово, вы понимаете... А я такъ мало упражняюсь въ письмѣ, что, быть-можетъ, забылъ... Будьте любезны, вы какъ сотоварищъ по просвѣщенію народа...

Онъ схватилъ листъ бумаги, обмакнулъ перо и быстро сталъ выводить буквы.

Вѣра Степановна вздохнула. Она даже не улыбнулась. Она была дѣвушка серьезная, и разъ Сережа безумный, то удивляться не слѣдуетъ. Это было-бы неинтеллигентно. А какъ-разъ завтра ей нужно выступать на учительскомъ собраніи, въ городѣ, и тамъ отстаивать интеллигентность.

— Совершенно правильно,—сказала она, взглянувъ на написанное.—Передъ к о т о р ы й мы ставимъ запятую.

— Вѣрно, вѣрно, виноватъ! Разумѣется, запятую.

Потомъ онъ подошелъ къ доскѣ, взялъ мѣлъ, и сталъ рѣшать какія-то задачи. Но здѣсь ариѳметика Вѣры Степановны должна была ужъ отступить: Сережа складывалъ, дѣлилъ и вычиталъ по правиламъ иной, лишь ему вѣдомой науки. Вѣра Степановна не возражала. Приглядѣвшись, замѣтивъ, что сегодня онъ гораздо чище обычнаго, она позвала даже его пить чай къ себѣ въ комнату.

Откусывая кусочекъ сахару и дуя на блюдечко—глазки его бѣгали, какъ у звѣрька—Сережа говорилъ:

— Значитъ, вы находите, что я не позабылъ? Это очень пріятно. А то представьте себѣ, назначаютъ новую учительницу, она является и не знаетъ, гдѣ букву ять ставить! Ш к а н д а л ъ!

Онъ посидѣлъ еще немного и сказалъ, что ему пора. Узнавъ, что завтра Вѣра Степановна будетъ въ городѣ, онъ очень обрадовался.

— Я тоже приду на собраніе. Какъ-же, какъ-же, необходимо... сплоченіе просвѣщенныхъ людей!

И еще разъ прибавилъ, что если назначаютъ учительницу, а она не умѣетъ писать, то это просто шкандалъ.

Солнце садилось, горѣло въ крестѣ церкви. Грачи орали на березахъ—тамъ настроили они гнѣздъ. Сережа, съ длинной палкою, отъ собакъ, вышелъ на большую дорогу. Опять росли по ней дуплистыя, низкія ракиты. Въ канавѣ блестѣла вода, розовѣя на закатѣ. Справа, слѣва, тѣ-же зеленя, по которымъ бродятъ спутанныя лошади.

Неясная, но неизмѣнно дѣйствующая сила вела его впередъ, по этому большаку, въ городъ, какъ завтра, можетъ быть, поведетъ въ другой конецъ уѣзда. Онъ не помнилъ ужъ ни объ утрѣ у Василисы Петровны, ни о похоронахъ, ни о будущемъ своемъ учительствѣ. Ему навстрѣчу надвигался зеленоватый апрѣльскій вечеръ. Онъ смѣнялся ночью. И уже весенния звѣзды зажигались. Оріонъ рано скрылся за горизонтомъ. Подымалась Дѣва, со своею Спикой. За ней всходилъ четырехугольникъ Ворона. Въ это время въ уѣздѣ одни, какъ Василиса Петровна, горевали о своихъ достаткахъ, отходящихъ къ другимъ, другіе мечтали о получаемомъ, третьи, какъ учительница, готовились къ общественнымъ треволненіямъ, и всѣ, обычно въ этотъ часъ въ деревнѣ, собирались спать. Они жили и дѣйствовали, считая свои дѣйствія важными, и жизнь—вѣчной. Андрей Михайловичъ спалъ очень крѣпко. Его знакомый, помѣщикъ съ большими руками, думалъ посадить въ изголовьѣ его дубокъ—вмѣсто памятника.

А Сережа шелъ. Онъ ничего не зналъ. Надъ нимъ было ночное небо.

Андрей Глоба
Мухамедъ покупающій несчастія

Мухаммедъ-волшебникъ. Селимъ-нищій. Селимъ-купецъ. Хасанъ-носильщикъ. Хадиджа. Калифъ. Визирь. Негръ. Палачъ. Жители Багдада.

Улица въ Багдадѣ. Торговцы, женщины, прохожіе, нищіе, негры.

Мухаммедъ-волшебникъ.—Эй, слушайте всѣ: я, Мухаммедъ-волшебникъ, покупаю несчастія! Можетъ быть, кому не нужна болѣзнь его или бѣдность его, или онъ недоволенъ сварливой женой—я, Мухаммедъ-волшебникъ, куплю его несчастіе! У женъ покупаю безплодіе, у стариковъ—лишніе годы, у расточительныхъ—расточительность, у гнѣвныхъ—гнѣвливость, у скупыхъ—скупость!.. Эй, слушайте все: я, Мухаммедъ-волшебникъ, покупаю несчастія!..

Али-купецъ.—Да благословитъ тебя Аллахъ, торговецъ!—о чемъ ты кричишь?

Мухаммедъ-волшебникъ.—Я,—Мухаммедъ-волшебникъ, и покупаю несчастія! Если Аллахъ сдѣлалъ кого-нибудь собственникомъ проказы, слабоумія, безплодной жены или безпутнаго сына,—я, Мухаммедъ-волшебникъ, могу купить его несчастіе по справедливой цѣнѣ. Чесотка—три драхмы, проказа—сорокъ золотыхъ динаріевъ, слѣпота—по десяти золотыхъ динаріевъ съ глаза, вывихъ въ плечѣ—шесть драхмъ, потеря невинности—пять динаріевъ, дурная совѣсть—четыре драхмы!..

Селимъ-горшечникъ.—Въ первый разъ слышу, чтобъ за чесотку платили, какъ за хорошій горшокъ!

Мухаммедъ-волшебникъ.—Кто находитъ, что моя оцѣнка не соотвѣтствуетъ его несчастію, пусть скажетъ свою цѣну: я могу заплатить и дороже. Ибо продавцу лучше извѣстны достоинства его товара.

Женщина (робко).—Если ты не обманываешь никого, торговецъ, я имѣю продать тебѣ нѣчто... (Шепчетъ на-ухо).

Мухаммедъ-волшебникъ.—Пять динаріевъ! (Вынимаетъ деньги).

Женщина.—Я согласна. (Озирается по сторонамъ). Какъ же ты получишь съ меня, что тебѣ слѣдуетъ?..

Мухамедъ-волшебникъ.—Не безпокойся о томъ. Я пришлю за покупкой къ тебѣ на домъ. (Женщина беретъ деньги и поспѣшно удаляется).

Али-купецъ (въ крайнемъ изумленіи).—У тебя, кажется, много золота, чужестранецъ, и ты раздаешь его даромъ!

Мухаммедъ-волшебникъ.—Нѣтъ, не даромъ, но за купленное.

Али-купецъ.—Тогда купи что-нибудь и у меня. Вотъ кисея изъ Муссула, очень тонкой работы. Вотъ сафьяновыя издѣлія, только сегодня полученныя изъ Діарбекира... Не могу, къ сожалѣнію, предложить тебѣ шелка: третьяго дня ко мнѣ въ домъ зашли воры и унесли весь шелкъ—двадцать кусковъ,—да поможетъ имъ Аллахъ продать безъ убытка!..

Мухаммедъ-волшебникъ.—Я заплачу тебѣ за эту кражу три золотыхъ динарія.

Али-купецъ (подумавъ).—Мнѣ было бы пріятнѣе получить пять. Увѣряю тебя, это былъ отличный шелкъ!

Мухаммедъ-волшебникъ.—Хорошо. (Даетъ плату купцу).

Али-купецъ.—Слѣдовательно, я могу теперь думать, что шелкъ украли у тебя, а не у меня?

Мухаммедъ-волшебникъ.—Да.

Али-купецъ.—Такъ-то оно и лучше. Боюсь только, что я немножко продешевилъ на этой продажѣ! (Въ сомнѣніи разсматриваетъ полученное золото).

Селимъ-нищій.—Неужели, торговецъ, ты захочешь и мнѣ заплатить за то, что я бѣденъ?

Мухаммедъ-волшебникъ.—Да, если ты продашь свою бѣдность.

Селимъ-нищій.—Съ большой охотой!

Мухаммедъ-волшебникъ.—Но я не дамъ себѣ больше ста золотыхъ динаріевъ.

Селимъ-нищій.—Сто золотыхъ динаріевъ?!

Мухаммедъ-волшебникъ.—Сто золотыхъ динаріевъ. Если хочешь, получи. (Нищій въ замѣшательствѣ принимаетъ золото).

Рабъ (вбѣгаетъ; обращаясь къ Селиму-нищему).—Господинъ! Прибылъ караванъ изъ Каира съ товарами твоего дяди Ибнъ-Согара. Твой дядя, который умеръ—одинъ Аллахъ безсмертенъ!—пожелалъ передъ смертью сдѣлать тебя наслѣдникомъ всѣхъ своихъ богатствъ.

Селимъ-нищій.—Хвала Аллаху!

Второй рабъ (вбѣгаетъ).—Господинъ! Повелитель мой Джемалъ-Эддинъ-Юсуфъ-Бенъ-Тагри-Варди за хорошій совѣтъ, вылечившій его дочь, жалуетъ тебѣ полтораста верблюдовъ и лучшаго жеребца изъ своей конюшни.

Селимъ-нищій.—Хвала Аллаху!

Окружающіе.—Хвала Аллаху! Ты выгодно продалъ свою бѣдность, Селимъ!

Третій рабъ (вбѣгаетъ).—Господинъ! Господинъ!.. Ради Аллаха!.. Загорѣлся домъ, куда мы сложили твои товары, прибывшіе сегодня изъ Каира... твой дядя...

Селимъ-нищій.—Горе!.. горе!.. Мое богатство!.. (Убѣгаетъ).

Хадиджа (вбѣгаетъ, запыхавшись).—Кто здѣсь покупаетъ несчастія?.. Это ты, добрый человѣкъ? Заклинаю тебя Аллахомъ, купи мое несчастіе!..

Мухаммедъ-волшебникъ.—Покажи мнѣ его.

Хадиджа.—Ахъ, почтенный иноземецъ, мое несчастіе—мой мужъ! Это самый безобразный человѣкъ, какого когда-либо рождала женщина! Ахъ, ахъ! ты не знаешь еще носильщика Хасана Косоглазаго?! Ужъ навѣрное, тебѣ показывали человѣка, у котораго уши растутъ подъ-мышкой, носъ до половины живота, на спинѣ два горба, а ноги такъ велики, что когда ему случится встрѣтиться съ верблюдомъ, одинъ другому непремѣнно оттопчетъ ногу? Ты могъ замѣтить, что у него по шести пальцевъ на каждой рукѣ и зубы вродѣ сушеныхъ финиковъ, лицо же только для того и существуетъ, чтобы было на чемъ разводить прыщи, которыхъ столько, что будь это звѣзды, я бы стала богаче Аллаха. Сказать бы что-нибудь и о бровяхъ,—но онѣ у него вылѣзли, когда онъ еще и не родился!.. Тьфу, тьфу! Такое уродство невозможно даже описать! Если ты, иноземецъ, въ самомъ дѣлѣ, покупаешь несчастія, окажи и мнѣ эту милость.

Мухаммедъ-волшебникъ.—Не знаю, согласишься ли ты взять тридцать три золотыхъ динарія?

Хадиджа.—За безобразіе моего мужа?

Мухаммедъ-волшебникъ.—Да.

Хадиджа. — И ты купишь его безобразія, какъ мѣшокъ финиковъ, или халатъ, или пару туфель? И онъ больше не будетъ носить своего безобразія?

Мухаммедъ-волшебникъ.—Онъ станетъ самымъ красивымъ человѣкомъ въ Багдадѣ.

Хадиджа.—И за это я еще получу тридцать золотыхъ динаріевъ?

Мухаммедъ-волшебникъ.—И три.

Хадиджа.—Давай же скорѣе!.. О, Аллахъ!.. Бѣгу посмотрѣть, каковъ теперь у меня мужъ! (Убѣгаетъ).

Погонщикъ верблюдовъ. — Купецъ! Купецъ! Я продаю ушибъ! Отличнаго качества! Во всю спину и даже больше того! Семьдесятъ пять палокъ!..

Поваръ.—Купи лучше у меня: я получилъ сегодня сто палокъ.

Старикъ. — Не нужно ли тебѣ, торговецъ, женская болтливость? Я возьму съ тебя недорого...

(Входитъ нѣсколько полицейскихъ).

Одинъ изъ нихъ (обращаясь къ Мухаммеду-волшебнику).—Господинъ, нашлась твоя пропажа. Смотри, вотъ всѣ двадцать кусковъ шелка, что украли у тебя третьяго дня.

Али-купецъ.—Аллахъ!.. Мой шелкъ!..

Полицейскій. — Воръ не пойманъ. Но сегодня же мы его изловимъ. Это Али изъ Басры...

Али-купецъ. — Да поразитъ тебя Аллахъ! Это я-то воръ! Я?.. я?.. Да еще выходитъ: обокралъ самого себя!.. Ахъ, ты рваная борода! Обезьяній хвостъ! Печеное яйцо!..

Полицейскій.—Вотъ онъ воръ!.. Держите!..

(Али хватаютъ. Онъ отбивается).

Али-купецъ.—Разбойники!.. Мошенники!.. Я пойду къ самому калифу!..

(Его вяжутъ и уводятъ).

Мухаммедъ-волшебникъ. — Несите этотъ шелкъ за мной въ каганъ.

(Уходитъ. Входитъ Хасанъ-носильщикъ. безобразіе котораго купилъ Мухаммедъ-волшебникъ. За нимъ слѣдуетъ чуть не все населеніе Багдада).

Одинъ изъ толпы. — Взгляните, правовѣрные, какую красоту сотворилъ Аллахъ!

Другой.—Честь и хвала тебѣ, юноша!

Старикъ. — Багдадъ не видѣлъ еще такой красоты!

Женщина. — Словно тысяча лунъ взошло разомъ на небѣ!

Хасанъ.—Отвяжитесь отъ меня! Что вамъ надо?.. Развѣ я виноватъ, что Аллахъ далъ моей спинѣ горбъ. а моему лицу верблюжью ногу вмѣсто носа?

Купецъ.—О чемъ онъ говоритъ?

Одинъ изъ толпы.—Онъ пилъ вино, и ему стало казаться, что его подмѣнилъ джинъ.

Другой.—Онъ затыкаетъ уши, когда ему говорятъ о его красотѣ.

Хасанъ.—Возьми ее себѣ, будь ты проклятъ! Дарю тебѣ всѣ мои бородавки, прыщи, лишаи и опухоли! Тебѣ, и дѣтямъ твоимъ, и внукамъ твоимъ. и правнукамъ твоимъ!..

Первый.—Вотъ видите!

Женщина.—Нѣтъ, это, должно быть, Хасанъ-носильщикъ, у котораго купили его безобразіе!

Хасанъ. — Съ какихъ это поръ перестали узнавать Хасана Косоглазаго? Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не подмѣнилъ ли меня кто?

Женщина.—Какъ! ты развѣ не знаешь еще, что жена твоя продала твое безобразіе пріѣзжему купцу? Теперь въ Багдадѣ нѣтъ человѣка красивѣе тебя!

Хасанъ. — О чемъ ты болтаешь? Или ты съ ума сошла?

Старикъ.—Женщина говоритъ правду, если только ты Хасанъ носильщикъ.

Хасанъ.—Лопни мой животъ!—кому жъ и быть Хасаномъ-носильщикомъ, какъ не мнѣ!

Старикъ.—Женщина сказала правду: жена твоя. Хадиджа, продала твое безобразіе и получила за это тридцать три золотыхъ динарія.

Хасанъ (въ гнѣвѣ).—Я удивляюсь, почему ты не продалъ своей бѣлой бороды, которая не умѣетъ скрыть ни твоей глупости, ни твоего безстыдства!

Старикъ. — Я и хотѣлъ это сдѣлать, но не успѣлъ. Молодые во всемъ опережаютъ стариковъ, не только въ непочтительности.

Хасанъ. — Клянусь Аллахомъ, съ твоей бородой можетъ случиться нѣчто гораздо худшее, если мнѣ перестанутъ нравиться эти насмѣшки.

Женщина.—Посмотри на себя—и ты увидишь, что никто надъ тобой не смѣется. (Подноситъ серебряный тазъ къ лицу Хасана).

Хасанъ (смотритъ въ крайнемъ удивленіи, переворачиваетъ тазъ нѣсколько разъ въ рукахъ, протираетъ глаза) — Куда же дѣвался мой носъ?.. (Трогаетъ носъ рукой.) Аллахъ свидѣтель, это не мой носъ! Нѣтъ, нѣтъ, это только половина моего носа!.. Только пятая часть моего носа!.. Къ тому же у меня на носу было три бородавки, каждая съ порядочную навозную кучу, — на этомъ нѣтъ ни одной!.. Удивленіе!

Женщина. — Ахъ, ахъ, твой носъ теперь какъ спѣлый персикъ!

Хасанъ.—И ни одного прыща! Вотъ потѣха! Лицо—словно добрый кусокъ овечьяго сыра!.. Разрази меня Аллахъ, если это не такъ!

Купецъ.—Это такъ, благослови тебя Аллахъ!

Хасанъ.—А горбъ? Хлопни-ка кто нибудь меня по спинѣ!.. Ухъ! Вѣрно! моя спина!.. Кулакъ мнѣ въ глазъ. куда же пропалъ горбъ?!.

Женщина. — Твоя спина тоньше финиковой сточки и пряма, какъ этотъ палецъ!

Старикъ.—Женщина говоритъ правду.

Хасанъ.—Вотъ чудеса!.. Ударь меня еще кто-нибудь колѣнкой пониже спины: мнѣ думается, я сплю... Ухъ! вотъ такъ!.. ну-ка еще!.. Нѣтъ, не сплю!.. Чтобъ мнѣ подавиться багдадской мечетью, не сплю ни однимъ глазомъ!..

(Входитъ нѣсколько человѣкъ).

Одинъ изъ нихъ.—Не это ли Хасанъ Красивый?.. Мы пришли увидѣть тебя!

Хасанъ.—Смотрите, если вы думаете, что я—еще я, или вѣрнѣе, если вы увѣрены, что я—не я.

Тотъ же. О, Аллахъ! Ничего подобнаго намъ даже не снилось! Кто разъ увидитъ такую красоту, тотъ не захочетъ видѣть ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ!..

Продавецъ воды.—Не жалко было бы заплатить червонецъ, чтобы посмотрѣть такое! Ай-ай!.. Этого человѣка Господь украсилъ, какъ настоящій храмъ Соломоновъ!

Хасанъ. Во имя Аллаха растолкуйте же мнѣ, куда дѣвался Хасанъ Косоглазый, чтобъ ему совсѣмъ пропасть!? Тридцать семь лѣтъ мы были съ нимъ въ такой дружбѣ, что одинъ безъ другого бывало на дворъ не сумѣетъ сходить. А сегодня еще утро—ужъ ссоримся. словно два пѣтуха, которымъ во что бы ни стало нужно дознаться, гдѣ чей хвостъ.

(Появляется огромнаго роста негръ, который ведетъ на поводѣ безобразнаго горбуна).

Хасанъ (при видѣ горбуна таращитъ глаза и приходитъ въ крайнее замѣшательство). Праведный Аллахъ! Вѣдь это—я!..

Нѣсколько человѣкъ. Это, точно, Хасанъ Косоглазый!

Хасанъ.—Я, я. разорвись моя печень! Кто на свѣ-

тѣ захотѣлъ бы походить на меня, кромѣ меня?!. Стой, черная рожа! куда ты меня ведешь?

Негръ.—Я не понимаю, милостивый господинъ, что тебѣ угодно спросить! Я веду осла моего господина Мухаммеда-волшебника. А если ты хотѣлъ спросить, куда я его веду, то веду я его въ Дамаскъ, имѣя къ тому достаточно основаній.

Хасанъ.—Лжешь, язычникъ! Какой же это оселъ? Я не слѣпой и достаточно хорошо вижу, чтобъ отличить себя отъ осла!

Негръ.—Прости меня, господинъ, но это дѣйствительно оселъ.

Хасанъ.—Смотрите! этотъ черный дьяволъ смѣется мнѣ въ глаза!

Многіе изъ толпы.—Конечно, это Хасанъ-носильщикъ!

— Это вѣрно.

— Я могу подтвердить!

Хасанъ.—Слышишь, разбойникъ?!.

Негръ.—Повѣрь мнѣ. господинъ, это оселъ, а не ты. Но я могу объяснить тебѣ твою ошибку. Мой господинъ Мухаммедъ-волшебникъ купилъ у одной женщины безобразіе ея мужа и поручилъ мнѣ отвезти покупку на этомъ ослѣ въ городъ Дамаскъ, куда я и направляюсь. Очевидно, ты мужъ той женщины и узналъ свое безобразіе, увидѣвъ его на моемъ ослѣ. Вотъ и все! Прости, господинъ. (Низко кланяется и хочетъ уйти).

Старикъ.—Онъ, должно быть, говоритъ правду.

Женщина. — Ну, и пускай его унесетъ шайтанъ вмѣстѣ съ его осломъ!

Хасанъ. — Стой! Никакого Мухаммеда-волшебника я не знаю и думаю, что онъ такой же мошенникъ, какъ и ты!..

(Хватаетъ горбуна за поводъ. Тотъ становится на четвереньки, начинаетъ лягаться и ревѣть: „Іо! іо!..“)

Хасанъ.—Да нашлетъ Аллахъ на тебя чуму! совсѣмъ оглушилъ!

(Выпускаетъ поводъ. Негръ вскакиваетъ на горбуна и уѣзжаетъ).

Хасанъ. — Дайте мнѣ тысячу палокъ въ пятки, если это черное страшилище не эфритъ!.. Еслибъ только я могъ знать, кто я самъ: Хасанъ-носильщикъ, оселъ, или еще кто?!

Старикъ. — Ты самый красивый человѣкъ въ цѣломъ Багдадѣ! Это вѣрно, какъ то, что ухо есть ухо, а не палецъ или бородавка.

Окружающіе. Мы никогда не видѣли такой красоты, Аллахъ!

Хасанъ (смотрится въ тазъ).—Тьфу! я и самъ начинаю въ этомъ убѣждаться! Ну, потѣха!.. Всѣ смотрятъ на меня, какъ на хорошую лошадь... Поворотись-ка (Поворачивается передъ тазомъ.) Теперь въ другую сторону! (Поворачивается.) И спереди и съ затылка — хоть куда! Брови, носъ, уши, подбородокъ, ротъ—все на своемъ мѣстѣ! А зубы? (скалитъ зубы.) Ого! это зубы! Полонъ ротъ и всѣ одинъ бѣлѣе другого. Словно вылили въ ротъ кувшинъ молока.

Старая женщина (протискавшись черезъ народъ).—Красавчикъ, я имѣю къ тебѣ порученіе отъ одной почтенной женщины... (Отводитъ Хасана въ сторону и шепчетъ ему на ухо. Хасанъ выслушиваетъ ее съ явнымъ удовольствіемъ и позволяетъ ей увести себя).

Молодая женщина.—Это Фатьма-сводница! Я видѣла ее сейчасъ, какъ она выходила изъ сераля калифа. Накажи меня Аллахъ, если тутъ...

Старикъ. — Замолчи, скверная женщина! Или ты хочешь, чтобъ тебя кто-нибудь услышалъ?!.

Хадиджа (выходитъ запыхавшись). — Не видѣлъ ли кто моего мужа, Хасана-носильщика? Я съ ногъ сбилась! Всѣ въ Багдадѣ только и говорятъ, что о немъ, я же нигдѣ не могу его найти! Говорятъ, онъ такимъ красавцемъ сталъ, что багдадскія женщины совсѣмъ взбѣсились и бѣгаютъ за нимъ. какъ куры за зерномъ

Многіе.—Онъ сейчасъ былъ здѣсь!

— Его увела какая-то старуха!

Молодая женщина.—Это Фатьма-сводница! Я видѣла, они пошли къ дворцу калифа!

Хадиджа. — О, Аллахъ!.. (Бросается со всѣхъ ногъ вслѣдъ за Хасаномъ. Вбѣгаетъ Селимъ-богачъ, бывшій недавно нищимъ).

Селимъ. -Жители Багдада дайте мнѣ Мухаммеда-волшебника! Пусть онъ вернетъ мнѣ мою бѣдность! Я заплачу ему деньги, только пусть онъ вернетъ мнѣ мою бѣдность!.

(Входитъ калифъ вмѣстѣ съ визиремъ, переодѣтые оба богомольцами).

Калифъ. — Благословенъ Аллахъ! Что ты ищешь, или что хочешь потерять, почтенный человѣкъ?

Селимъ. — Я ищу мою бѣдность, богомолецъ, съ которой прожилъ шестьдесятъ лѣтъ въ мирѣ и согласіи, пока не продалъ ее какому-то обманщику. будь проклятъ часъ, когда я съ нимъ встрѣтился!

Калифъ.—О, Аллахъ! развѣ бѣдность такая цѣнная вещь, чтобъ о ней слѣдовало жалѣть?

Селимъ.—Бѣдность лучшая вещь, богомолецъ, какую можно пожелать человѣку, которому хочешь пожелать не плохого!

Калифъ. — Какъ такъ? Люди бѣдность привыкли считать величайшимъ бѣдствіемъ!

Селимъ. — Я прежде былъ глупъ и думалъ точно также, какъ и ты сейчасъ. Но теперь думаю совсѣмъ иначе. Посуди самъ! Пока я былъ бѣденъ, я не имѣлъ заботъ ни о домѣ, котораго у меня не было, ни о полѣ, котораго у меня не было, ни о рабахъ, которыхъ у меня не было. ни о верблюдахъ, которыхъ у меня не было, ни о корабляхъ съ товарами, которыхъ у меня не было, ни о женахъ и наложницахъ, которыхъ у меня не было. Наоборотъ, обо мнѣ заботились всѣ, чтобъ я былъ одѣтъ, накормленъ и доволенъ. Будь я уменъ, я бы не помѣнялся своей долей съ калифомъ.

Калифъ. — Ну, калифомъ, я полагаю, всякій бы захотѣлъ быть!

Селимъ. — Конечно, есть много глупцовъ, разсуждающихъ, какъ ты—не разсердись, богомолецъ, прошу тебя!—ты въ этомъ отношеніи правъ.

Калифъ.—Почему же такъ плохо быть калифомъ, почтенный?

Селимъ. — Это очень большой разговоръ. Потому, во-первыхъ, что у калифа столько заботъ, сколько у всѣхъ его подданныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, такъ какъ онъ, вѣдь, долженъ заботиться о каждомъ изъ своихъ подданныхъ, если же онъ этого не дѣлаетъ, то такой калифъ—дурной калифъ. Потому, во-вторыхъ, что положеніе калифа очень смѣшное, такъ какъ его всѣ обманываютъ, начиная съ его перваго визиря и кончая его цирульникомъ,—калифъ—какъ слѣпой и глухой: на все смотритъ чужими глазами и все слушаетъ чужими ушами. Потому, въ-третьихъ, что калифъ знаетъ о себѣ меньше. чѣмъ его послѣдній поваренокъ; онъ не знаетъ: уменъ онъ или глупъ, добръ или не добръ, красивъ или дуренъ—такъ какъ слишкомъ много при немъ льстецовъ. которые одѣваютъ его въ различныя добродѣтели и тѣмъ дополняютъ работу портного. Потому, въ-четвертыхъ... Но если мы будемъ говорить объ этомъ, пока хватитъ словъ. мы будемъ говорить до двѣнадцатаго полнолунія! Между тѣмъ, ни ты, ни я не собираемся быть калифами. А я вдобавокъ очень спѣшу: одинъ человѣкъ продаетъ домъ и я хочу его осмотрѣть. Желаю

тебѣ добраго пути, богомолецъ, и твоему спутнику! (Уходитъ. Въ то же время входитъ плачущая Хадиджа).

Калифъ. — Какова причина твоихъ слезъ, добрая женщина?

Хадиджа.—Та, что я имѣю мужа самаго красиваго мужчину въ Багдадѣ!

Калифъ.—Развѣ это такое большое несчастіе?

Хадиджа. — Да, когда у калифа есть жены, любящіе красивыхъ мужчинъ.

Калифъ.—Что ты говоришь?!

Хадиджа.—Что знаю! Знаю же я только то, что эта негодница Фатьма недаромъ нарядила моего мужа женщиной, передъ тѣмъ, какъ повести въ гаремъ калифа!

Старикъ.—Тебѣ слѣдвало бы попридержать языкъ, глупая женщина!

Калифъ.—Почему же ты не пошла за нимъ и не вернула его?

Хадиджа.—Потому, что дворецъ калифа не такое мѣсто, куда каждый можетъ зайти по своей надобности.

Калифъ.—Мнѣ знакомъ старшій евнухъ калифа,—если хочешь, я могу узнать кое-что о твоемъ дѣлѣ.

Хадиджа.—Благослови тебя Аллахъ, богомолецъ! Если можешь, узнай.

(Калифъ шепчется съ своимъ визиремъ; тотъ уходитъ).

Калифъ.—Подождемъ моего товарища,—я послалъ его—вызвать старшаго евнуха.

Нѣсколько человѣкъ. — Смотрите, это бѣжитъ купецъ Али изъ Васры!

— Да, а за нимъ гонятся полицейскіе!

— Ловкій же онъ парень, если убѣжалъ изъ тюрьмы!

— Всѣ считали его честнымъ человѣкомъ, онъ же, говорятъ, укралъ у кого-то двадцать кусковъ шелка!

— Поможемъ полицейскимъ поймать его!

(Многіе бросаются навстрѣчу бѣгущему Али и ловятъ его).

Одинъ изъ полицейскихъ.—Держите! держите!.. Вотъ длинноногій мошенникъ!

Другой.—Погоди, не миновать тебѣ виселицы! (Хватаетъ Али за воротъ).

Али-купецъ. — Чума на васъ! Съ какихъ это поръ стали вѣшать честныхъ людей?

Калифъ.—Я слыхалъ о твоемъ дѣлѣ, Али! Говорятъ, калифъ дѣйствительно приговорилъ тебя къ висѣлицѣ. По моему, это вполнѣ справедливо.

Али-купецъ.—Чтобъ тебѣ подавиться твоимъ языкомъ, краснорожій быкъ!

(Входитъ визирь съ Хасаномъ, котораго ведетъ стража).

Визирь. — Я исполнилъ твой приказъ, повелитель правовѣрныхъ!

Восклицанія.—Калифъ!.. Калифъ!..

(Народъ повергается ницъ).

Хадиджа (смотритъ на Хасана, не узнавая).—Неужели это мой мужъ?.. О, Аллахъ! я ослѣплена!..

Визирь.—То, что разсказала женщина, похоже на правду, государь. Этого человѣка я схватилъ, когда онъ пытался проникнуть черезъ ограду въ дворцовый садъ въ том мѣстѣ, гдѣ фонтаны. Однако, онъ утверждаетъ, что пожелалъ видѣть мать правовѣрныхъ, которая, прослышавъ о его красотѣ, и сама проникдась любопытствомъ.

Калифъ.—Хорошо. Изъ его спины будетъ вырѣзано столько ремней, сколько буквъ въ имени пророка, повторенномъ семь разъ. Распорядись, Джиоффаръ.

Визирь. — Слушаю, повелитель правовѣрныхъ.

Хасанъ.—Аллахъ!.. (Падаетъ на колѣни).

Хадиджа. — Что я надѣлала, глупая женщина!.. Пусть лучше это будетъ со мною, повелитель правовѣрныхъ! Вѣдь это я продала его безобразіе проклятому язычнику! О,о,что я надѣлала, глупая!..

Калифъ. — Я не понимаю, о чемъ говоритъ женщина.

Хасанъ.—Позволь мнѣ объяснить повелитель правовѣрныхъ. Я былъ самымъ безобразнымъ человѣкомъ въ Багдадѣ, но моя жена, не посовѣтовавшись со мной, продала мое безобразіе какому-то Мухаммеду-волшебнику, котораго я въ глаза не видѣлъ. Съ того часа я сталъ самымъ красивымъ человѣкомъ въ Багдадѣ. Поэтому многіе пожелали меня видѣть, въ томъ числѣ твоя мать. Если ты полагаешь, что за это съ меня надо снять шкуру, да будетъ на то воля Аллаха!

Калифъ (обращаясь къ визирю).—Мнѣ жаль этого человѣка, Джіаффаръ! Какъ бы намъ лучше поступить съ нимъ?

Али-купецъ.—Повелитель правовѣрныхъ! Тотъ же самый Мухаммедъ-волшебникъ,—будь онъ проклятъ!—купилъ у меня кражу, которую я потерпѣлъ, а потомъ вышло, что меня же обвинили въ этой кражѣ. Но если ты полагаешь, что меня слѣдуетъ повѣсить, да будетъ на то воля Аллаха!

Калифъ.—Мнѣ жаль этого человѣка, Джіаффаръ! Какъ бы намъ лучше поступить, чтобъ не пострадалъ невинный?

Визирь. — Мое мнѣніе, государь: отрѣзать голову Мухаммеду-волшебнику.

Калифъ.—Разыщи его и приведи сюда.

(Визирь удаляется).

Калифъ.—Да будетъ благословенно имя Аллаха! Хорошо все, что дѣлаетъ Аллахъ и плохо все, что дѣлаетъ человѣкъ, когда онъ дѣлаетъ неугодное Аллаху. Мы сами никогда не знаемъ, что намъ нужно, и часто полагаемъ, что намъ нужно плохое, тогда какъ на самомъ дѣлѣ намъ нужно только хорошее. Но Аллахъ никогда не ошибается.

(Входитъ визирь съ Мухаммедомъ-волшебникомъ и палачемъ).

Мухаммедъ-волшебникъ (сердито). — Что вамъ надо отъ меня, глупцы Багдада? (Стучитъ палкой). Я скупилъ у васъ ваши несчастія, съ которыми вы не знали, что дѣлать, заплативъ за нихъ настоящимъ золотомъ,—и за это вы объявили меня разбойникомъ! Пускай же ваши несчастія вернутся къ вамъ!

(Къ Хасану-носильщику возвращается его безобразіе, къ другимъ изъ присутствующихъ самыя разнообразныя уродства).

Мухаммедъ-волшебникъ. — Мое же золото, которое вы получили, пусть обратиться въ насѣкомыхъ, чтобъ вы неустанно чесались и вспоминали Мухаммеда-волшебника!

Хасанъ. — Ай! (Вскакиваетъ и начинаетъ чесаться).

Али-купецъ.—Ай! (Вскакиваетъ и чешется).

Многіе (вскакивая).—Ай!.. Ай!..

Калифъ. — Отрубите ему скорѣе голову!

(Палачъ подходитъ къ Мухаммеду-волшебнику. Мухаммедъ - волшебникъ палкой очерчиваетъ передъ собой кругъ, неторопливо разстилаетъ коверъ на землѣ, садится на него и улетаетъ).

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ
СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Ловлю дрожащія, хладѣющія руки,
Блѣднѣютъ въ сумракѣ знакомыя черты...
Моя ты, вся — моя, до завтрашней разлуки,
Мнѣ все равно — со мной до утра ты...

Послѣднія слова, изнемогая,
Ты шепчешь безъ конца въ неизреченномъ снѣ,
И тусклая свѣча, невнятно догорая,
Насъ погружаетъ въ мракъ, и ты — со мной, во мнѣ...

Прошли года, и ты — моя, я знаю,
Ловлю блаженный мигъ, смотрю въ твои черты...
И жаркія слова невнятно повторяю...
До завтра ты — моя... Со мной — до утра ты..

II.

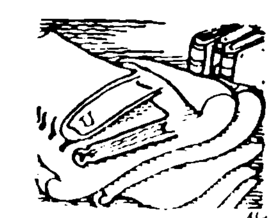
Ночь теплая одѣла острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль свѣтла Душа моя жива.
И вѣчная холодная Нева
У ногъ сурово колыхнулась

Ты, счастіе! Ты, радость прежнихъ лѣтъ!
Весна моей мечты далекой!
За годомъ годъ... Все рѣзче темный слѣдъ,
И тамъ, гдѣ мнѣ сіялъ когда-то свѣтъ,
Все гуще мракъ... Во мракѣ — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
Опять весна одѣла острова...

АБРАМЪ ЭФРОСЪ
О КНИГАХЪ

II

„Органическая книга"—есть такое понятіе въ „искусствѣ дѣлать книги", и намъ, россійскимъ авторамъ, этого именно искусства куда какъ не хватаетъ Въ писательскомъ смыслѣ мы самый безшабашный и беззаботный народъ. До французской книжной монолитности и безупречности ихъ авторскаго такта намъ далеко;—такой книги какъ у нихъ, такого знанія законовъ книжнаго организма, такой чуткости къ измѣненіямъ ея структуры, такого ригоризма по отношенію ко всему, что можетъ исказить, затемнить, стушевать чистую эссенцію книжности, — намъ трудно достигнуть; — для этого надо имѣть такую же проработанность изящной письменности, такое же традиціонное и священнодѣйствующее отношеніе къ тонкостямъ книжнаго стиля Недаромъ нынѣшняя французская книга по внѣшности самая простая, самая „оголенная". Тутъ на книжную мишуру глазъ не ловится. Съ виду—всѣ книги точно братья—близнецы: одинъ знаменитый форматъ in 18, одинъ столь же знаменитый желтый тонъ обложки, одна традиціонная цѣна „a 3 fr. 50 le volume". Такъ, нѣкогда, эллины на состязаніяхъ представали зрителямъ нагими и, въ этой священной наготѣ, искали первенства и награды.

Очень показательно, что много-иллюстраціонная, графически разукрашенная французская книга, отпечатанная на особыхъ бумагахъ, большими форматами и т д. изготовляется преимущественно въ Бельгіи, а не во Франціи, — напримѣръ, художественныя изданія, извѣстной фирмы Van-Oest'a. Какъ въ XV вѣкѣ фламандскіе иллюминаторы усложнили пышностью и многоцвѣтностью сдержанную и расчетливую книжную миніатюру Франціи, такъ, словно далекое эхо тѣхъ временъ, усложняетъ и пышно тяжелитъ теперешняя „фландрская" издательская промышленность французскую „голую" книгу.

Нѣмецкая книга намъ много ближе;—можно сказать, что книжной и издательской эстетикѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе мы учились у нея. Конечно въ этомъ сказалось не одно лишь ученичество, но и сродство вкусовъ. Настолько же, насколько французская книга едина и одна,—нѣмецкая книга, по правилу, не признаетъ ни единообразія, ни книжнаго аскетизма. Можно сказать, что тутъ столько типовъ, сколько книгъ. Тутъ потоки и потоки форматовъ, шрифтовъ, украшеній, обложекъ, переплетовъ, форзатцевъ,—словомъ всего того, на что стали мы теперь такъ падки, что создало именно въ это двадцатилѣтіе физіономію современной русской книги, съ расцвѣтомъ ея графики, съ тягой къ сложнымъ форматамъ, къ цвѣтному шрифту, къ многотипности бумажной выдѣлки. Но учась у нѣмецкой книги нарядамъ, мы не выучились, и не старались выучиться, органичности книги. Нашего хаоса и тяпляпистости нѣмецкій авторъ не знаетъ. Не золотой французскій геній, но „нелюбовь къ безпорядку", авторскій педантизмъ, знаніе того, „что къ дѣлу не относится", ревнивое выкидываніе за бортъ всего, что „не на тему" придаетъ нѣмецкой книгѣ ея органичность. Изданія, сложнѣйшія по замыслу и по матеріалу, этимъ спасаются, а въ книгахъ простыхъ и ясныхъ эта органичность становится почти величественной. Мы же какъ будто рѣшились не допускать даже благихъ исключеній: для насъ нѣтъ ясныхъ темъ и простыхъ книжныхъ рѣшеній. Мы можемъ похвалиться особымъ книжнымъ даромъ—все дѣлать не съ того конца. Въ скудной кучкѣ художественныхъ новинъ, которыя я кончаю перебирать передъ вами, мною припасенъ напослѣдокъ изумительный книжный уродъ. Вы, конечно, не удивитесь, если я назову пресловутую „Расею" Бориса Григорьева.

Собственно Григорьевъ здѣсь не единолично виноватъ;—кто въ концѣ концовъ руководилъ изданіемъ неизвѣстно; въ „Расеѣ" есть статьи П. Щеголева, Н. Радлова, самого Григорьева. А въ общемъ, какъ подобаетъ—у семи нянекъ дитё безъ глазу.

Попробуемъ теоретически поставить себѣ задачу: какъ составить книгу изъ „расейскаго цикла„ рисунковъ Григорьева? Кажется, что рѣшается это заданіе просто: очень извѣстные и очень виртуозные деревенскіе рисунки Григорьева, при ихъ чрезвычайной внутренней ѣдкости и нарочитой технической изощренности (—наблюдательный и подгнившій гаменъ столичнаго города передаетъ свои

впечатлѣнія отъ косорылой и трогательно-неуклюжей деревни) требуютъ особенной простоты и сдержанности книго-издательской оправы, и совершенно точнаго, почти схематически-сжатаго распредѣленія критическаго матеріала, примѣрно такого: а) Григорьевъ—рисовальщикъ, б) „Расея“ Григорьева. Варьируйте какъ угодно обѣ части темы, раздвигайте ихъ границы, принимайте любыя авторскія позы, вы все равно не получите того, что подъ крышку одного переплета вмѣстило странное изданіе г. Яснаго: тамъ почтенный П. Е. Щеголевъ считаетъ умѣстнымъ въ своей замѣткѣ говорить о большевизмѣ и попрекать Блока лѣво-эсерствомъ; тамъ Радловъ написалъ діалогъ о разныхъ предметахъ, но—увы—совсѣмъ не о Григорьевѣ и не о „Расеѣ“, къ тому же діалогъ написанъ въ излюбленномъ петербуржцами стилѣ „окоченѣвшаго Реми де Гурмона“, у котораго, отъ холода, рука стала столь же не поворотлива, какъ мысль и слогъ. И въ концѣ концовъ нѣсколько страницъ о Григорьевѣ написалъ лишь самъ Григорьевъ. Авторецензіи всегда занятны. Да и сдѣлалъ это Григорьевъ вполнѣ живо. Одно лишь: это—не замѣтки молодого художника, а что-то вродѣ мемуаровъ маститаго мастера, завѣщаемыхъ потомству; въ нихъ есть и шелестъ авторскихъ лавровъ, и повѣсть о годахъ молодости, и похвальное слово учителямъ. Думается, словно бы не къ лицу все это начинающему Григорьеву. Впрочемъ, это его дѣло. Какъ бы то ни было,—въ общемъ „Расею“ можно считать вышедшей безъ нужнаго текста. Но и совершенно такъ же, ничуть не въ меньшей мѣрѣ, извращена оправа, созданная для иллюстрацій. Я говорилъ выше о простотѣ и сдержанности, которая одна какъ слѣдуетъ выдѣлила бы сверкающую экспрессивность григорьевскаго карандаша. Изданіе г. Яснаго поступило какъ разъ наоборотъ: рисунки, превосходно отпечатанные у Голике, съ невѣроятной, какой-то „до-военной“ или „до-революціонной“ чистотой и четкостью зажаты, забиты и утоплены въ разноцвѣтной и тяжеловѣсной мишурѣ обойной бумаги,—настоящей обойной бумаги, съ колерами и завитками, на которую наклеены оттиски григорьевскихъ рисунковъ; при этомъ тяжесть и пестрота поставлены, видимо, въ принципъ, ибо нѣтъ даже двухъ сходныхъ обойныхъ колѣровъ и штамповъ—каждый рисунокъ наклеенъ на обойной бумагѣ иного образца и иной окраски; можно подумать, что составлялась не художественная книга, а каталогъ обойной лавки, куда для занятности вложены рисунки, и гдѣ центръ тяжести, естественно, въ образцахъ предлагаемыхъ покупателю обоевъ,—словомъ затѣя еще менѣе понятная и оправданная, нежели разноцвѣтный текстъ трехъ авторовъ,—затѣя поставившая въ общемъ, по всему вмѣстѣ взятому, рекордъ неограниченности и расшатанности отечественной книги.

Столько грѣшниковъ,—неужели нѣтъ хотя бы одного праведника? На этотъ вопросъ я отвѣчу вопросомъ: неужели каждый изъ насъ, читателей—критиковъ, читателей-историковъ, утомленныхъ штудированіемъ вотъ всѣхъ этихъ книгъ и изданій, и еще болѣе—обильнымъ вычитываніемъ ихъ промаховъ и ошибокъ,—неужели, говорю я, мы не поставили бы во главу критическаго синодика какую-нибудь книгу праведнаго склада, хорошо написанную, хорошо аранжированную, хорошо изданную,—„книгу отдыха“, въ лучшемъ значеніи слова? Но о томъ-то и рѣчь, что нѣтъ сейчасъ среди выпусковъ нашихъ художественныхъ издательствъ такой вотъ гармонической книги. Послѣднимъ праведникомъ былъ отличный альбомъ Жана Лепотра, много мѣсяцевъ назадъ выпущенный умно и заботливо все тѣмъ же Голике. А короткая вереница нынѣшнихъ книгъ, пробившихся въ щели національизованныхъ типографій и націонализуемыхъ издательствъ, вся вышла ушибленная съ какого-нибудь бока, а чаще—со всѣхъ сторонъ,—являя признаки общей растерянности и совершеннаго потрясенія, гдѣ авторъ, издатель, цинкографъ и наборщикъ выступаютъ равно пришибленными и ущемленными какимъ-нибудь краемъ несущейся стремительно внизъ міровой апокалиптической лавины. Но можетъ быть, при такихъ условіяхъ, наши напоминанія объ органической книгѣ—напрасны, а синодикъ промаховъ неумѣстенъ? И все, что нужно сейчасъ — это лишь умѣть во время закрывать глаза и говорить: „passons“? О, только не это! Растерянность, бури, ушибы, метанія—знаемъ, помнимъ, видимъ, и со всѣмъ этимъ считаемся. И все-таки наша забота и наше вниманіе — о другомъ и къ другому: мы силимся не утратить компаса,—не утратить вѣрнаго направленія и знанія пути. Какъ сочинители книгъ, мы всѣ изнемогли и не вылѣзаемъ нынѣ изъ ошибокъ, но какъ читатели, мы еще достаточно свѣжи и чутки, ибо еще точно помнимъ о лучшихъ временахъ. Нечего этому удивляться, такъ какъ тутъ мы лишь пассивно, какъ компасъ—отклоненія и толчки, отмѣчаемъ пробѣлы и изъяны книги.

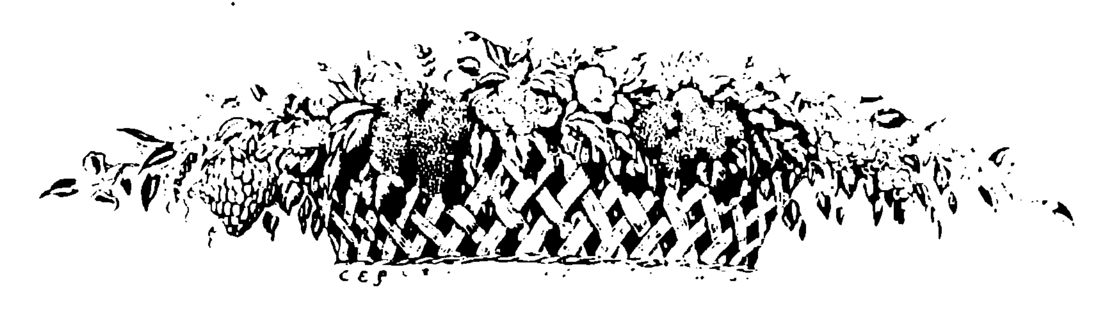
*

И если нужно все же искупленіе за эти долгіе упреки книгамъ и ихъ авторамъ,—то оно есть, но только оно въ другомъ: несмотря ни на что, мы все же бережно несемъ эту стопку художественныхъ книгъ домой, въ наши шкафы, преодолѣвая странности авторовъ, бѣшеныя цѣны издательствъ и упадочную технику типографій. Мы ставимъ ихъ по полкамъ почти съ нѣжностью, какъ необычныя и рѣдкія вещи,—ибо знаемъ, что принесли съ собой послѣднія книги, *послѣднія вольныя художественныя книги*.

Прежняя книга,—книга свободная и частная, созданная свободнымъ писателемъ, отпечатанная свободнымъ издателемъ и ищущая свободнаго читателя—снята нынѣ съ россійскаго прилавка. На смѣну ей власть гонитъ новую книгу—книгу огосударствленную, отпечатанную въ огосударствленныхъ типографіяхъ, сложенную въ огосударствленныхъ книжныхъ складахъ, почти принудительно продиктованную огосударствленному автору программами государственныхъ органовъ искусства—художественными коллегіями, комиссіями охраны старины, комиссаріатскими отдѣлами эстетическаго образованія и т. п.,—почти принудительно размѣщенную средь огосударствленнаго читателя при помощи школъ, пролеткультовъ, профессіональныхъ союзовъ, партійныхъ ячеекъ и т. д.

Хуже это или лучше? Какъ знать! Въ концѣ концовъ наша оцѣнка будетъ больше всего зависѣть отъ того, насколько каждый изъ насъ одержимъ ностальгіей прошлаго. И если это не хуже и не лучше, то во всякомъ случаѣ это—книга иныхъ масштабовъ, иныхъ формъ и иного назначенія...

Москва, декабрь, 1918 г.

Художественная хроника

Не стало Якова Ивановича Смирнова! Въ Москву эта горестная вѣсть прибыла со значительнымъ опозданіемъ. и наши газеты ни единымъ словомъ не обмолвились о трагической кончинѣ выдающагося русскаго ученаго, пользовавшагося большой славой и за предѣлами своего отечества.

Покойный Смирновъ, родомъ сибирякъ, состоялъ старшимъ хранителемъ средневѣковаго отдѣленія Эрмитажа, профессоромъ петербургскихъ Университета и Археологическаго Института и считался однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ знатоковъ средневѣковой археологіи востока, которой и посвящены были главные его труды. Здѣсь не мѣсто перечислить эти послѣдніе, какъ и многочисленныя болѣе мелкія его изслѣдованія, въ теченіе многихъ лѣтъ появлявшіяся въ изданіяхъ русскихъ археологическихъ и другихъ ученыхъ обществъ; отмѣтимъ лишь великолѣпный и капитальный атласъ „Восточное Серебро" 1909 г., т.-е. сборникъ, воспроизведенный съ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія, найденной преимущественно въ предѣлахъ Россіи. обширнѣйшій, объяснительный текстъ къ которому покойный Яковъ Ивановичъ все дополнялъ и уже не успѣлъ лично издать. Тоже въ рукописи осталось цѣнное изслѣдованіе его о знаменитомъ Ахалгарійскомъ кладѣ, въ 1912 г., поступившемъ въ Тифлисскій музей.

Я. И. Смирновъ, сошедшій въ могилу во цвѣтѣ лѣтъ и въ разгарѣ научныхъ работъ, какъ до него многіе изъ русскихъ дѣятелей науки, искусства и литературы, палъ жертвой несказанно тяжелыхъ условій нашей текущей жизни. Съ нимъ исчезъ крупный европейскаго масштаба ученый, беззавѣтно преданный любимому предмету своихъ изслѣдованій и чуждый всякой житейской суеты.

*

Какъ уже окончательно выяснилось, нынѣшній московскій сезонъ художественныхъ выставокъ развертывается на совсѣмъ новыхъ началахъ. Все дѣло выставокъ теперь централизовано и сосредоточено въ рукахъ состоящаго при Комиссаріатѣ Народного Просвѣщенія „Всероссійскаго Центральнаго Выставочнаго Бюро", въ составъ котораго вошли представители самого Комиссаріата и профессіональныхъ художественныхъ союзовъ. Этимъ Бюро реквизировано большинство московскихъ выставочныхъ помѣщеній и только черезъ Бюро онѣ могутъ быть предоставлены отдѣльнымъ художественнымъ группамъ и организаціямъ. Такъ какъ послѣднихъ въ Москвѣ много, а помѣщеній, пригодныхъ для выставокъ мало, то нѣкоторымъ обществамъ художниковъ придется объединиться въ блокъ и устраивать свои выставки совмѣстно въ одномъ помѣщеніи, конечно, сохраняя при этомъ полную автономію.

Выставки всѣ должны устраиваться по одному общему принципу. Уничтожаются всякаго рода жюри, входъ долженъ быть безплатный, а вдобавокъ выставки поочередно будутъ перевозиться съ одного района Москвы въ другіе и, по возможности, даже въ другіе города. Комиссаріатомъ ассигнована довольно крупная сумма для пріобрѣтеній художественныхъ произведеній на текущихъ выставкахъ. Пока еще въ точности не опредѣлилось, гдѣ и какія состоятся выставки; одной изъ первыхъ будетъ посмертная выставка недавно скончавшейся молодой художницы О. В. Розановой, представительницы крайнихъ лѣвыхъ теченій современной живописи.

*

Въ Рязани, подъ эгидой мѣстнаго губернскаго Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія, устраивается спеціальная выставка произведеній Филиппа Андреевича Малявина, на которой будетъ собрано около 50 крупныхъ картинъ художника и множество его этюдовъ и рисунковъ. Во время выставки ея организаторы предполагаютъ устроить рядъ чтеніи по искусству, и съ этой цѣлью намѣчено приглашеніе нѣсколькихъ столичныхъ лекторовъ. Послѣ Рязани малявинская выставка перекочуетъ въ Москву.

*

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ и цѣнныхъ отдѣловъ Цвѣтковской Галлереи составляетъ ея богатое собраніе рисунковъ русскихъ художниковъ, въ обычномъ порядкѣ хранящихся въ папкахъ и недоступныхъ для обозрѣнія. Руководители Галлереи въ настоящее время приступили къ постепенному ознакомленію широкой публики съ содержаніемъ этихъ папокъ въ первую очередь устроили выставку подлинныхъ рисунковъ Ильи Еф. Рѣпина.

Въ рядѣ витринъ размѣщено нѣсколько десятковъ рисунковъ маститаго художника изъ разныхъ періодовъ его творчества, характерно и довольно полно отражающихъ очередныя эволюціи его фактуры, равно выдающія черты и слабыя стороны его таланта. Подробный каталогъ съ вступительными статейками А. П. Мюллеръ и А. В. Бакушинскаго пока на выставкѣ имѣется лишь въ одномъ экземплярѣ, отпечатанномъ на машинкѣ, но есть намѣреніе издать его даже съ иллюстраціями, что, конечно, очень желательно. Будемъ надѣяться, что за рѣпинскими рисунками вскорѣ послѣдуютъ выставки и другихъ серій листовъ изъ цвѣтковскаго собранія.

Р. Е.

Къ рисункамъ, помѣщ. въ этомъ номерѣ; заставки на стр. 1 („Москва") и 3—худ. Д. Митрохина. Концовки на стр. 3 и 15—худ. С. Чехонина. Заставка на стр. 10—худ. Н. Пискарева. Концовка на сар. 13—худ. И. Нивинскаго. Заставки на стр. 6 и 7 и конц. на стр. 6—худ. В. Масютина.

Изд. Книгоиздательство „Творчество"

Редакторъ С. Абрамовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:
Москва, Б. Чернышевскіи пер., д. 12.
Книгоиздательство
„ТВОРЧЕСТВО"
Пріемъ по дѣламъ редакціи
отъ 5—6 ч. вечера Телеф. 2-53-76.

Типографія „Продпуть". Москва, Яузскій мостъ, Сереб. наб., д. 23-а